

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Д.И. Черашняя

«НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ...»:

О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ В ТРЕХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

«Вновь я посетил...» (1835)

«Тот уголок земли» предстает в широком разнообразии мира и природы (*рощи, холм, озеро, берега отлогие, три сосны*), человеческого бытия (*домик, невод, деревни, мельница, владения, дорога*) и отдельных судеб (*няня, лирический герой*). У каждого в этом мире свой возраст жизни, свой возраст старения, свой удел, продлить жизнь или исчезнуть бесследно: *убогий невод; скривилась мельница; дорога, изрытая дождями; младая роца; старый холостяк; Уже старушки нет; И сам, покорный общему закону / Переменился я.*

Лирический герой вводит временные ориентиры течения собственной жизни: «Изгнанником *два года* незаметных»; «Уж *десять лет* ушло с тех пор», – которые точны и узнаваемы читателем в соотнесенности с реальной биографией Пушкина.

Если течение жизни авторского Я мы условно представим себе линейно, приняв это Я за точку отсчета *здесь сейчас*, то, углубляясь в его прошлое (влево), дойдем до *границы владений дедовских*, по отношению к чему лирический герой предстает как ВНУК.

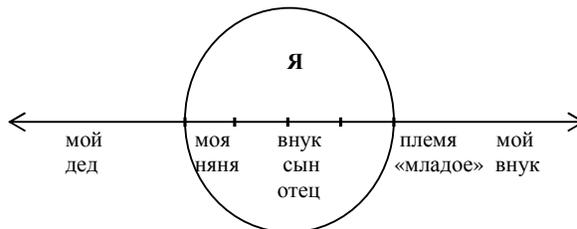
Совершая прогулку *верхом*, он встречается (или – его встречают) *три сосны*, и это становится главным его впечатлением – настолько, что подробному описанию их встречи (*знакомый уху шорох; Здравствуй*) отведена почти половина текста (26 строк из 58). Не случайно в авторском списке осенью 1836 г. это стихотворение поэт называет «Сосны». В представшее герою явление «зеленой семьи» он

вслушивается и всматривается, узнавая в ней свою семью и свое отцовство; а в *племени младом* – своих детей, понимая, что НЕ ОН *увидит их поздний возраст*.

Воображение уносит героя на поколение вперед, туда, где (он это точно знает) его самого не будет. Но там видится ему живой до осязаемости облик его ВНУКА, словно собственная воскресшая и еще раз пережитая им молодость. Одновременно гордясь и грустя, он проживает НАПЕРЕД не изведенное им чувство *деда* с надеждой, что будущий внук

...И обо мне вспомянет.

Так раздвигается, расступается время жизни частного человека, сознающего себя не только продолжателем рода, но и центром природного круга. Так усложняется модель времени: линейное течение жизни лирического героя включается в циклическое время природы.

Мысль-память и мысль-воображение героя вершат *полный кругооборот* в истории своего рода, «покорного общему закону» и через это – *не у ни что жи м о г о*.

Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836)

Тема сменяемости поколений и определения своего места в этой череде продолжается в стихотворении, написанном почти через год после «Вновь я посетил...». Тогда, в сентябре 1835 г., мысль лирического героя охватывала

времена его *личной* жизни: прошлое, настоящее и воображаемое будущее – *п о в е р х* момента собственной смерти, присутствующего в тексте лишь имплицитно («не я увижу...»), уступая место торжеству продолжения себя в своем *внуке*. Теперь же, поэтически осмысливается реальная забота Пушкина о месте своего захоронения (в апреле 1836 года он в последний раз побывал в Михайловском;

Дора Израилевна Черашняя — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Удмуртского государственного университета.

похоронив свою мать в Святогорском монастыре, он рядом с ее могилой определил место для себя и внес в кассу монастыря необходимую сумму). Тема смерти решается теперь в ином, несопоставимо большем временном измерении.

Лирический герой привычно для себя попадает за город, на публичное кладбище. Все, что предстало там ему, он видел не раз. Отсюда ускоренный обзор: сначала общий вид, общая характеристика («Под коими гниют все мертвецы столицы»); затем – ценностно уравнивший и тем обесцененный перечень социальных типов, памятников, украшений, надписей.

Но этот беглый перечень словно намеренно притормаживается двумя более развернутыми зрительными впечатлениями. Одно из них – надгробная надпись:

По старом рогаче вдовицы плач амурный... –

которая, при всей своей банальности, затрагивает в какой-то мере мысль семейную. А рядом – не в воображении, а в оочию – зевы свежих могил, ждущих к себе жильцов наутро и вызывающих в нем смутные мысли и злое уныние.

Оба впечатления вкупе с общим видом публичного кладбища герой словно примеривает к себе, к своей жизненной ситуации, к своим

мыслям – и решительно не приемлет такого варианта упокоения. Отсюда желание бежать. Снова – на кладбище, но другое. Речь идет не только о сопоставлении и противопоставлении двух образов жизни и двух образов смерти в пространстве человеческого бытия вообще, но и о выборе места для себя, о взгляде на себя со стороны: как это будет выглядеть по т о м . Подобное желание именно о таком захоронении Пушкин уже высказывал в тяжелейшем для него 1829 году:

...И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать...
(«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)

Видя себя продолжением и продолжателем своего рода, Я – частный человек умиротворен картиной живой памяти, символом которой на кладбище родовом предстает широкошумный «дуб над важными гробами», укорененный в родном пределе и тянущийся к небу. Это не только хронологически, но и по существу своему последнее посещение лирическим героем кладбища родового, что подтверждается и недоговоренной финальной строкой, и многозначием.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836)

Стихотворение звучит как поэтическое заветное и пророчество. И в то же время это разговор о цене творчества (в мой жестокий век), а значит перед нами стихотворение-житие. Здесь синтезированы все основные ипостаси авторской личности (поэт, пророк, человек), скрепляющим и гармонизирующим началом которых является ПОЭТ – это его памятник себе. Как же он выражает себя в тексте?

Прежде всего, будучи созидателем, поэт говорит о себе, оглядываясь на пройденный им творческий путь, в прошедшем времени. По смыслу и интонации его слово представляет собой отчет о труде многолетнем:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

...чувства добрые я лирой пробуждал...
...в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал... –

причем отчитывается он не перед современниками и не перед своей эпохой, а перед будущим.

Будучи же наделенным даром пророка, поэт говорит о себе исключительно в будущем времени:

...не зарастет народная тропа...

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я...

Слух обо мне пройдет...
И назовет меня...

...буду тем любезен я народу...

Наконец, пребывая в настоящем времени эпохи, среди окружающих его людей, поэт говорит о себе-человеке и о своем человеческом самочувствии, обращаясь к Музе.

Различия между тремя временными позициями поэта очевидны: у них разные предметы разговора и разные заботы. Какие же возможности открывает каждая временная позиция, каков в каждом случае кругозор и масштаб видения?

Прошедшее время поэта-созидателя характеризует не только личное время его творчества, но и эпоху в ее исторических реалиях. С ними он соизмеряет свой *труд* и *славу*.

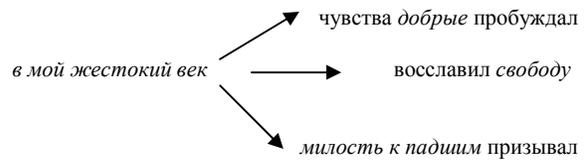
1. В первой строфе таковой реалией является семантически насыщенный образ *Александрийского столпа* – памятника двум царствованиям: Александра-победителя и Николая, воздвигнувшего самый высокий из существовавших тогда в мире памятников. *Столп* знаменует собой незыблемость власти и бессмертие военного триумфа. Создав же себе памятник *выше* царской славы (*super alta astra* – выше высоких звезд), поэт продолжил традицию Овидия, усилив ее образом «главы *непокорной*», отражающим не только характер *поэта*, его поэтический портрет, но и собственное поведение (в отличие от Овидия) «авторское поведение» в эпохе.

2. В четвертой строфе поэт-созидатель называет время двух царствований «*мой жестокий век*», что преемственно сопоставимо с участью Овидия в век Августа, а также с веком и участью А.Н. Радищева. При логическом ударе на «мой» – пушкинский «Памятник» включается в «житийное» ответвление традиции поэтических памятников. Строка: «Что в *мой жестокий век* восславил я *свободу*», – оказывается тождественной по смыслу предшествующему своему варианту: «Что *вслед Радищеву* восславил я *свободу*».

3. «И *милость к падшим* призывал» – ассоциируется в первую очередь с участью «120 друзей, братьев, товарищей», которую Пушкин назвал *ужасной* (в письме к Вяземскому от 14 августа 1826 г.), и не только в контексте четвертой строфы «Памятника», но и в завершение сквозного мотива лирики Пушкина, возникшего после «этого несчастного возмущения», о чем он никогда не забывал¹.

Мы видим, что *прошедшее* время поэта-созидателя конкретизировано самыми значимыми событиями его эпохи, во многом определявшими обстоятельства его жизни и содержание его творчества. Об этом в четвертой строфе

выразительно говорит всеерная ценностная оппозиция:

Такое нравственное противостояние **созидателя** своему веку и обеспечивает ему *нерукотворную* высоту на духовной вертикали, восставленной лирическим движением его сюжета:

Я памятник себе *воздвиг*...

Воз-несся выше он главою непокорной...

Кажущаяся антитеза *вознесся / падшим* несет на этой же вертикали иной смысл: устремленный поначалу ввысь, поэт возвращается к своему *жестокому веку*, увенчивая перечень своих заслуг той, что *милость к падшим призывал*. Так размыкаются жесткие рамки отмеренного ему времени. Поэт-созидатель поднимается НАД веком, включаясь в двойную поэтическую традицию: Горация (*Exegi monumentum aere perennius*) и Овидия (*super alta astra* в конце его «Метаморфоз»).

Между тем достигнутая высь открывает перед ним иные горизонты. Меняется предмет разговора – появляется новая интонация. Слово *о себе*, целиком обращенное в *будущее*, звучит как слово **пророка**.

1. *К нему не зарастет народная тропа*. Ввиду *нерукотворности* памятника, строка воспринимается как метафора, основанная на приеме синекдохи: множество индивидуальных путей к творчеству поэта в совокупности предстают как непрерывная *народная тропа*.

В «лирическом соседстве» с *кладбищем родовым*, где «*проходит селянин* с молитвой и со вздохом», эта же строка – отраженно – приобретает предельную конкретность. И впоследствии в реальном народном сознании *памятник нерукотворный* станет неотделимым от общенациональной святыни – могилы поэта в Святогорском монастыре, равно как и от других мест, связанных с его именем, куда *народная тропа* не зарастает. В этом и метафорический, и прямой смыслы его пророчества.

2. *Нет, весь я не умру* – продолжение обих традиций: мысли Горация о том, что *большая* его часть (у Овидия – *лучшая*) *избежит похорон*. В уверенности поэта-пророка: «*Душа в заветной лире мой прах переживет*» – актуализируется еще одно значение слова *заветно* – как *завещанной*: «И виждь, и внемли, / Испол-

¹ Ср. в стихотв. «Вновь я посетил...» (26 сент. 1835): «*Уж десять лет ушло с тех пор – и много / Переменилось в жизни для меня, / И сам, покорный общему закону, / Переменился я...*» – с письмом к П.А. Осиповой (26 дек. 1835): «*Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что все я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч.*» – в прямом продолжении предшествующих этому строк: «*Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим, и моему бедному Кюхельбекеру...*». Подробно об отношении Пушкина к его друзьям-лицеистам и душевной связи с ними в 1830-е годы, вплоть до последних часов его жизни («*Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского*»), см.: *Эйдеман Н.* «Прекрасен наш союз...». М., 1982. С. 187-215.

нить волею моей...» (ср. в «Борисе Годунове»: «Исполнен долг, *завещанный* от Бога»).

3. *Доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит.* Гарантом его поэтической славы является сама *поэзия*, которой нет пределов ни во времени, ни в пространстве, *доколь* на земле продолжается жизнь².

4. *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.* Это надежнее, чем статичный лавровый венец. Образ славы у Пушкина динамичный. Замечательно наблюдение Л.В. Пумпянского: «...Ритм этого стиха есть ветер!»! Слава *поэта* будет возрастать во времени и распространяться во всех пределах.

Слава отождествляется со *слухом*, то есть звуком, живым словом, передаваемым из уст в уста. Очевидно следование Овидию: *Ore legar rorili* – *Буду читаем устами народа* (уничтожение его книг и запрет на имя не воспрепятствовали его славе). Этот мотив впечатляюще актуализировал Радищев в «Путешествии» (см. его «Краткое повествование о происхождении цензуры»), где, написав о том, что кесарь Август «велел сжечь книги Тита Лабиеция», добавил в сноске: «Кассий Север, друг Лабиеция, видя писания его в огне, сказал: “Теперь меня сжечь надлежит, ибо я их знаю наизусть”». Гарантом живого присутствия поэта на земле будут *народные уста*.

5. *И назовет меня всяк сущий в ней ЯЗЫК.* Тут же перечисляются *разные языки, или народы, Руси великой* (по тогдашней орфографии имя народа Пушкин пишет как собственное):

И гордый внук Славян, и Финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей Калмык.

Пространство *Руси великой* измеряется не географическими названиями, а именами народов, в перспективе уравниваемых их отношением к имени поэта, что обусловлено содержанием и пафосом его творчества. Тут настоящее *Руси великой* соотносено с ее будущим, когда «всяк сущий в ней язык» обязательно станет просвещенным, в чем поэт-**пророк** видит залог и собственной посмертной славы.

Большую часть текста поэта-**пророка** составляет развернутый образ *народа* (весь он – в *будущем* времени): от «К нему не зарастет народная тропа» до «И долго буду тем любезен я народу». Не входя подробно в семантику слов *народ* и *толпа*, порой синонимичных у Пушкина, заметим, что образ *народа* несопоставимо шире: *толпа* – лишь одно из состояний *народа* в конкретной ситуации, что особенно наглядно

у Пушкина в их сочетании, как, например, в «Лобном месте» «Бориса Годунова»:

Н а р о д (несется *толпою*).

Но это преходящее состояние не отменяет основы – того нравственного чувства, которым только и может продолжаться *народ* (на что всегда обращал внимание проф. Б.О.Корман в своих вузовских лекциях). В финале пушкинской трагедии нравственная основа восстанавливается:

Народ *безмолвствует*.

Едва ли не ключевой фразой трагедии является та, которую Пушкин вложил в уста своего «пращура»: «Но знаешь ли, *чем сильны мы, Басманов?* / Не войском, нет, не польскою подмогой, / **А мнением; да! мнением народным**».

Важно то, что развернутый образ *народа* в «Памятнике» входит исключительно в текст поэта-**пророка**, с его взглядом поверх сиюминутного и суетного, с его утверждением высоких нравственных ценностей, как это и присуще *пророкам*. Этим, на наш взгляд, снимается самая возможность существующего в пушкинистике прочтения четвертой строфы в сниженном или ироническом смысле, который, казалось бы, провоцируется словом «любезен». Но, заметим, в пушкинском употреблении это слово либо ситуативно-единичное, либо с избирательным постоянством адресуется (в стихах, а особенно – в письмах) самым близким друзьям.

В совокупности смысла четвертой строфы голоса **пророка** (1-я строка) и **созидателя** (2–4 строки) возвращают нас к раннему стихотворению Пушкина «К Н.Я. Плюсковой» (1818), написанному совсем по иному поводу, но очертившему на будущее самые важные духовные ориентиры его творчества:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе гордости свободной
Кадилом лести не кадил <...>

Любовь и *тайная свобода*
Внушали сердцу *гимн простоты*,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Эхо в свой черед обратится в *слух*, который из уст в уста *пройдет по всей Руси великой*.

Из сказанного следует, что в «Памятнике», последнем слове **поэта-пророка**, открытом в будущее, все слова – на своих местах и в своей «последней прямоте».

² Ср.: «Покуда на земле последний жив невольник...» (О. Мандельштам «Да, я лежу в земле, губами шевеля»).

Напротив, текст поэта-человека (5-я строфа) – это малое, «сжатое до точки» пространство *здесь и сейчас*. Слово поэта-человека обращено не в отдаленное будущее и не вовне, а вглубь себя, к себе и к *своей* Музе как своему alter ego. Это как бы не касающаяся других людей, собственная ситуация, последняя в его земном измерении, с которой ему должно справиться самому.

Он еще страдает от *обиды* (был вариант, родственник Овидию: *изгнания* не страшись), знает цену *хвале*, и *клевете*, и *суду глупца* – всему тому, от чего так желал избавиться *поэт* в стихотворении «Из Пиндемонти» (*Бог с ними*) и к чему *духовный труженик молитвенно* призвал себя отнестись со *смирением* и *терпением*: «Да брат мой от меня не примет осуждения» («Отцы-пустынники и жены непорочны...»). Призывая теперь к послушанию *свою Музу* и проявляя себя в безличном тексте только в этом, поэт-человек словно самоустраняется, вверяя себя и *свою Музу* – *вельню Божию*.

Однако функционально, при всей безличности, этот авторский голос наиболее значим в тексте. Не случайно именно *его* слово венчает собой стихотворение. *Настоящее* вре-

мя поэта-человека является НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ полноты и единства авторской личности в ее ПОКА ЕЩЕ телесной оболочке. Именно этот голос удерживает собой ту общую для всех трех ипостасей (*поэта, пророка, человека*), земную точку отсчета (Т.И. Сильман), из которой рассылаются в прошлое и в будущее *проекции-лучи*, чтобы в конце стихотворения *вернуться к здесь и сейчас*, к своему уже не называемому в тексте, но еще живому человеческому Я.

Такова триединая структура нераздельной авторской личности в «Памятнике». Она стяженно воспроизводит структуру всей лирики Пушкина, в которой, поочередно или попарно, то в самоутверждении, то в конфликте друг с другом, те же ипостаси реализуются в безграничном разнообразии. Можно заключить, что триединый образ Поэта в «Памятнике» структурно тождествен А в т о р у, и в этом смысле – подлинно итожит жизненный и творческий путь Пушкина.

Подробное рассмотрение этих и других произведений А.С. Пушкина последнего года его жизни в данном аспекте изучения можно найти в нашей книге «Тайная свобода поэта: Пушкин. Мандельштам» (Ижевск, 2006).